

Повседневная жизнь галисийцев XVIII в. в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто

© Снеткова М.С., 2025

Марина Сергеевна Снеткова, канд. филол. наук, доцент кафедры иберо-романского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры романо-германских языков BABT Минэкономразвития России.

119991, Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А

ORCID: 0009-0007-0984-5500

E-mail: marina_snet@inbox.ru

Аннотация. Текст бенедиктинского монаха Мартина Сармьенто «Разговор 24 галисийских крестьян» (1746) является важным источником информации о повседневной жизни жителей Галисии первой половины XVIII в. и занимает особое место в галисийской культуре и за ее пределами. Это первое художественное произведение Нового времени, целиком написанное по-галисийски. В сопровождающем его испаноязычном глоссарии автор первым из культурных деятелей отстаивает ценность и самостоятельность галисийского языка. Такой подход уникален, поскольку в эпоху так называемых «Темных веков» галисийской словесности (Séculos oscuros, сер. XV – нач. XIX в.) галисийский был практически полностью вытеснен из письменной речи испанским языком. Опираясь на детские воспоминания, свои путешествия по Галисии, документы из монастырских архивов и по-

лучаемые от родственников-галисийцев новости, М. Сармьенто старается представить достоверные факты, отчасти идеализируя эту область Испании и ее жителей. Наиболее тщательно в произведении проработан образ незнатного галисийца указанной эпохи, описаны его быт, работа, досуг и традиционные ценности. Произведения М. Сармьенто были практически неизвестны следующим поколениям галисийских интеллектуалов. В отечественной науке данный текст малоизучен, поэтому автор ставит целью проанализировать содержание сочинения, применяя описательный и культурно-исторический методы исследования, и выявить особенности представления в тексте повседневной жизни галисийцев. Такой подход встраивается в актуальную культурологическую проблематику описания процесса формирования испанского национального характера. В этом тексте XVIII в. следует искать истоки стереотипа об образе Галисии, который продолжает господствовать в «коллективном воображаемом» и в настоящее время.

Ключевые слова: галисийцы, Галисия, М. Сармьенто, «Разговор 24 галисийских крестьян», галисийская культура, галисийский язык, XVIII век, повседневная жизнь, духовные ценности

Для цитирования: Снеткова М.С. (2025) Повседневная жизнь галисийцев XVIII в. в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто. *Ибероамериканские тетради*. № 3. С. 64–82. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-64-82

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2025. 3. P. 64–82
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-64-82

UDC 811.134+94(460)

Recibido 15.08.2025
Revisado 02.09.2025
Aceptado 11.09.2025

La vida cotidiana de los gallegos en el siglo XVIII según «Coloquio de vinte e catro galegos rústicos» de Martín Sarmiento

© Snetkova M.S., 2025

Marina S. Snetkova, PhD (Filología), profesora titular del Departamento de Lingüística Iberorrománica de la Universidad Estatal de Moscú M.V. Lomonósov, profesora titular del Departamento de Lenguas Romano-Germánicas de la Academia de Comercio Exterior de Rusia del Ministerio de Desarrollo Económico de Rusia.

119991, Rusia, Moscú, calle Leninskie Gory, 1, 51

119285, Russia, Moscow, Vorobiovskoe Shosse, 6A

ORCID: 0009-0007-0984-5500

E-mail: marina_snet@inbox.ru

Resumen. El texto «Coloquio de vinte e catro galegos rústicos» escrito en 1746 por el monje benedictino Martín Sarmiento es una fuente de información importante sobre la vida cotidiana de los gallegos en la primera mitad del siglo XVIII, que ocupa un lugar especial en la cultura gallega y fuera de ella. Es la primera obra de ficción de la Edad Moderna redactada completamente en gallego. En el Glosario que la acompaña, por primera vez en la historia, el autor defiende el valor y la autonomía de la lengua gallega. Es un enfoque único, ya que durante la época de los llamados «siglos oscuros» de la literatura gallega («séculos oscuros», desde mediados del siglo XV hasta principios del siglo XIX), el gallego fue prácticamente sustituido por el español en la lengua escrita. Basándose en los recuerdos de su infancia, los viajes por Galicia, en los archivos monásticos y las noticias recibidas de sus familiares gallegos, Martín Sarmiento intenta presentar en el texto los hechos de la época, idealizando de cierto modo esta región de España y a sus habitantes. La imagen que elabora en su obra es la de un gallego común de la época, de su vida cotidiana, labores, ocio y valores tradicionales. Las obras de Martín Sarmiento fueron prácticamente desconocidas por las siguientes generaciones de los intelectuales gallegos. En la tradición académica rusa, este texto ha sido poco estudiado, por lo que en este artículo se propone analizar el contenido de la obra aplicando los métodos descriptivo y histórico-cultural de investigación, así como revelar las peculiaridades de cómo la vida cotidiana de los gallegos está representada en el texto. Este enfoque corresponde al debate cultural actual respecto a los estudios de cómo describir la formación del carácter nacional español. En el texto del siglo XVIII se encuentran orígenes de los tópicos existentes hasta hoy sobre la imagen de Galicia, que siguen predominando en el «imaginario colectivo».

Palabras clave: gallegos, Galicia, M. Sarmiento, «Coloquio de vinte e catro galegos rústicos», cultura gallega, lengua gallega, siglo XVIII, la vida cotidiana, valores espirituales

Para citar: Snetkova M.S. (2025) La vida cotidiana de los gallegos en el siglo XVIII según «Coloquio de vinte e catro galegos rústicos» de Martín Sarmiento, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 64–82. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-64-82

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2025. 3. P. 64–82
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-64-82

UDC 811.134+94(460)

Received 15.08.2025

Revised 02.09.2025

Accepted 11.09.2025

The Everyday Life of Galicians in the 18th Century according to «Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians» by Martin Sarmiento

© Snetkova M.S., 2025

Marina S. Snetkova, PhD in Philology, Associate professor at the Department of Ibero-Romance Language Studies at Lomonosov Moscow State University, Associate professor at the Department of Romance-Germanic Languages of Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation.

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory street, 1, 51

119285, Russia, Moscow, Vorobiovskoe Shosse, 6A

ORCID: 0009-0007-0984-5500

E-mail: marina_snet@inbox.ru

Abstract. «The Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians», a text written by a Benedictine monk Martín Sarmiento in 1746, is an important source of information about the everyday life of Galicians in the first half of the 18th century that has a special place in Galician culture and beyond. It is the first text of the modern era written entirely in Galician. For the first time in history the author defends the value and independence of the Galician language in the Spanish-language glossary written for «The Colloquium». This approach is unique because during the so-called «Dark Ages» of Galician literature («Séculos oscuros», from mid-15th to early 19th centuries), Galician was almost entirely replaced by Spanish in writing. Martín Sarmiento bases his work on his childhood memories, his travels across Galicia, documents from monastery archives and news he received from his Galician relatives. Sarmiento seeks to present reliable facts in the text, still he partly idealizes this area of Spain and its inhabitants. Sarmiento pays particularly close attention to portraying a low-class Galician of the time and describing their life, labour, leisure and traditional values. Martín Sarmiento's writings were almost completely unknown to subsequent generations of Galician intellectuals.

This text has hardly been studied by Russian researchers, hence the author of this investigation aims to analyze its content using descriptive and cultural-historical methods, as well as to identify the particularities of how Galicians' everyday life is represented in the text. This approach corresponds to the current cultural debate regarding the studies of how to describe the formation of the Spanish national character. In the eighteenth-century text we can find origins of the existing stereotypical image of Galicia, which continues to predominate in the «collective imaginary».

Key words: Galicians, Galicia, M. Sarmiento, «Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians», Galician culture, Galician language, 18th century, everyday life, spiritual values

For citation: Snetkova M.S. (2025) The Everyday Life of Galicians in the 18th Century according to «Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians» by Martin Sarmiento, *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 64–82. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-64-82

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

«Разговор 24 галисийских крестьян» («Coloquio de vinte e catro galegos rústicos» / «Colección de voces y frases gallegas», 1746) бенедиктинского монаха Мартина Сармьенто (Martín Sarmiento, 1695–1772) занимает особое место в галисийской культуре. С одной стороны, это первое художественное произведение Нового времени, целиком написанное по-галисийски [Fernández Rei, 2002: 212]. С другой стороны, в сопровождающем его испаноязычном глоссарии автор первым из культурных деятелей отстаивает ценность и самостоятельность галисийского языка.

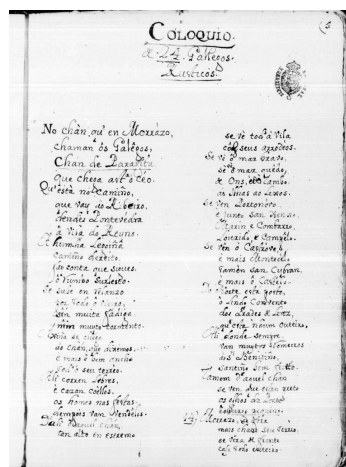
М. Сармьенто поясняет свой замысел во введении к тексту. Это произведение он называет «собранием многочисленных галисийских слов, выражений и оборотов», записанных «из любопытства и с целью сохранить их в памяти». Своей задачей автор считает именно фиксацию специфических галисийских слов «в их истинной орфографии», поэтому эстетическая ценность стихотворений кажется ему вторичной¹. В эпоху так называемых «Темных веков» галисийской словесности (Séculos oscuros, сер. XV – нач. XIX в. [Vilavedra, 1999: 81]), когда местный язык был практически полностью вытеснен из письменной речи испанским языком, такой подход уникален. Понять его помогает биография этой незаурядной личности.

¹ «Colección de muchas palabras, voces y frases gallegas, que el año de 1745 oí, leí y observé en Galicia, estando a divertirme en la villa de Pontevedra, en donde me he criado, y habiendo andado por varias partes del reino. Recopiladas para mi curiosidad, y para tenerlas presentes en la memoria, en unas coplas de estilo *pueril* y *rústico*, del metro que en castellano llaman de *Perico* y *Marica*, y aunque no soy poeta y estas coplas son las primeras que hice en este *metro*, *idioma* y *estilo*, importa poco que no sean buenas, pues mi asunto ha sido juntar muchas voces gallegas particulares y escribirlas en su *verdadera ortografía*, que observé en varios instrumentos en lengua gallega, que leí en Pontevedra, y en otras partes, con singular gusto». Sarmiento M. Colección de voces y frases gallegas. Salamanca. Universidad de Salamanca. 1970. P. 81. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Почти с самого рождения М. Сармьенто жил в Понтеведре (Галисия), и галисийский был для него родным языком. С испанским языком он впервые столкнулся в школе: на уроках латыни, которые велись по испанским учебникам, за разговоры на галисийском детей наказывали. Но в Галисии незнание или плохое знание испанского языка было на тот момент повсеместным, и значительных неудобств такое положение дел не доставляло. Однако, поступив в возрасте 15 лет в монастырь Святого Мартина в Мадриде, где над его акцентом открыто смеялись, М. Сармьенто был вынужден взяться за изучение испанского языка. Для того чтобы понимать истинный смысл испанских слов и убедительно ставить на место насмешников, он всерьез занялся исследованием этимологии, и со временем это превратилось в своеобразную навязчивую идею: записи, которые М. Сармьенто вел при чтении текстов, содержат размышления не только о затронутой проблематике, но и о значении, происхождении и форме слов, показавшихся ему примечательными [Pensado, 1970: 22–23].

Именно интерес к этимологии и семантике побудил М. Сармьенто создать «Разговор...». Поэтическая часть и комментарий к 30 первым четверостишиям были написаны до мая 1753 г. (Glosario, p. 348)², глоссарий, предположительно, дополнялся автором на протяжении всей оставшейся жизни. Обе части являются лишь началом исходного замысла: в поэтической части заявлено гораздо больше героев, чем успели высказаться в 1201 существующем четверостишии, комментарии же есть только к первым 194 четверостишиям. В сопроводительном письме от 14 января 1751 г., адресованном авторитетному религиозному и общественному деятелю Франсиско де Раваго (Francisco Rábago, 1685–1763), которому автор отправил весь стихотворный текст и начало глоссария, имеется ряд ценных замечаний.

Во-первых, М. Сармьенто считает свой текст своеобразным экспериментом, парадоксом, ведь, «не зная галисийского языка», он сочинил на нем стихи и к тому же вознамерился объяснить в них все слова, в большинстве случаев приписывая им «благороднейшее латинское происхождение»³. Так что глоссарий для автора является не второстепенной, а такой же важной частью

М. Сармьенто.
«Разговор 24 галисийских
крестьян»

² Здесь и далее ссылки на глоссарий приводятся по изданию: Sarmiento M. Colección de voces y frases gallegas. Salamanca. Universidad de Salamanca. 1970. P. 160–474.

³ «<...> la paradoja; cualquiera palpará que lo es, el que, sin saber yo la lengua gallega, haya hecho en ella coplas, y piense explicar todas sus voces, dándoles a casi todas el nobilísimo origen de la lengua latina». Sarmiento M. Colección... P. 76.

произведения, как и стихотворная. Отметим, однако, что М. Сармьенто преувеличивает, говоря о своем незнании галисийского языка. Скорее, речь идет об утрате регулярного устного общения на нем после переезда в Мадрид.

Во-вторых, для него было важно сохранить отличие разговорного галисийского языка, который он пытался воссоздать в стихах, от письменного языка глоссария, выдержанного в духе ученой традиции⁴. В контексте апологии галисийского языка и Галисии, которая присутствует в большей части сочинений М. Сармьенто, это произведение, безусловно, занимает особое место — ведь язык показан «в действии»⁵.

Третий момент ярко характеризует отношение автора к публичности и распространению написанных им текстов. Вместе с «Разговором...» М. Сармьенто отправлял Франсиско де Раваго другой текст, посвященный административным и социальным вопросам. И если этот текст он разрешал показывать надежным людям (но не делать с него копии)⁶, то «Разговор...» просил по прочтении сразу вернуть, так как не хотел давать повода для его обсуждения, предвидя осуждение «некомпетентных критиков».

Так как М. Сармьенто категорически отказывался публиковать свои тексты, его произведения были практически неизвестны следующим поколениям галисийских интеллектуалов. Но при жизни автора копии с его текстов все-таки выполнялись, и их полиморфизм⁷ и разная степень полноты и сохранности дополнительно затрудняют исследование его наследия. Неслучайно и «Разговор...» известен в науке под разными заголовками: «Colección de voces y frases gallegas», «Coloquio de vintecatro / vinte e catro galegos rústicos», «Coloquio en mil duascentas coplas galegas». Оригинальная рукопись была обнаружена только в 2002 г., а более ранние публикации и исследования опирались на ряд копий.

Мартин Сармьенто

⁴ «Así pues escogí yo este *metro* y el *estilo pueril* gallego para imitar la sencillez de la narrativa en boca de dos niños y dos niñas... Por esta razón hui de mezclar erudiciones y conceptos, por no hacer impropio semejante estilo. Al contrario, en el comento hice estudio de apuntar bastante erudición de *etimologías, geografía, antigüedad, historia*, etc.». Ibid. P. 77.

⁵ Подробнее о замысле и лексико-стилистической составляющей произведения см. нашу статью «Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в "Разговоре 24 галисийских крестьян" Мартина Сармьенто» [Снеткова, 2025].

⁶ «Pero siempre miraré con repugnancia el que se hagan copias y se divulguen. No es menester númen profético para preveer que, si esos pliegos se vulgarizan mediante copias, saldrán 300 arbitristas literarios, llenándose de polvo, emporcándose de lodo y levantándose con pólvora, por que si dije o no dije, si traje o no traje. <...> Que escriban esos 300, o sus protectores, lo que se les antojare; yo más apetezco un grado de quietud, paz y de racionalidad *inmanente michi et Musis*, que el transitorio y peligroso oficio de escritor». Sarmiento M. Colección... P. 79–80.

⁷ Примеры текстовых расхождений приводит в своей статье Э. Монтеагудо [Monteagudo, 2002].

Главным популяризатором наследия М. Сармьенто стал профессор университета Саламанки Х.Л. Пенсадо. Его издание «Разговора...» 1970 г.⁸ является наиболее полным, в нем присутствуют сопроводительное письмо, авторское введение, 1201 четверостишие и глоссарий. В «Предварительном исследовании» [Pensado, 1970] анализируется хронология создания текста, его место среди других работ М. Сармьенто, даются биографические сведения, делается акцент на важности для автора лингвистических исследований, а также приводится собственно языковой комментарий текста: графики, лексика, стилистических особенностей.

Издание историка языка Р. Мариньо Паса⁹ содержит письмо, авторское введение, 1308 четверостиший (исследователь публикует продолжение, обнаруженное в одной из копий, но считает, что строфы, начиная с № 1202, не принадлежат перу М. Сармьенто); краткие выдержки из глоссария даются в виде сносок в качестве пояснений. «Вводное исследование» [Mariño Paz, 1995] целиком посвящено тщательному анализу языковой составляющей, также очень полезны постраничные языковые, исторические и культурологические комментарии к четверостишиям, которые сам М. Сармьенто пояснить не успел.

Стихотворный текст из оригинальной рукописи теперь доступен в двух форматах: в виде факсимильного издания¹⁰ и в аннотированном Корпусе¹¹ галисийских текстов раннего Нового времени на ресурсе Института галисийского языка (цитировать поэтический текст мы будем именно по нему, нумерацию четверостиший указываем по изданиям Х.Л. Пенсадо / Р. Мариньо Паса). В статье Э. Монтеагудо [Monteagudo, 2002], обнаружившего оригинальную рукопись, содержатся сведения об истории поиска текста, дана характеристика его доступным копиям и ранним печатным версиям.

На русском языке о «Разговоре...» опубликована статья [Снеткова, 2025], анализирующая лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в тексте и в большей степени сосредоточенная на поэтической его части.

В настоящей статье мы в равной степени задействуем обе составляющих сочинения М. Сармьенто, что призвано расширить понимание этого малоизученного в отечественной науке текста. Ее цель — проанализировать содержание произведения, применяя описательный и культурно-исторический

⁸ Sarmiento M. Colección...

⁹ Sarmiento M. Coloquio de vintecatro galegos rústicos. Pontevedra. Consello da Cultura galega. 1995. 354 p.

¹⁰ Sarmiento M. Coloquio en mil duascentas coplas galegas. Facsímile do orixinal autógrafo. Vigo. Consello da Cultura Galega. 2002.

¹¹ Sarmiento M. Coloquio de vinte e catro galegos rústicos / Ed. de R. Álvarez, E. González Seoane. Gondomar. Corpus dixital de textos galegos da Idade Moderna. URL: https://ilg.usc.gal/teitok/gondomar/index.php?action=file&id=xmlfiles/GOND049_1.xml&headers=full; https://ilg.usc.es/gondomar/es/index.php?action=file&id=xmlfiles/GOND049_2.xml&headers=full (accessed: 14.08.2025).

методы исследования, и выявить особенности представления в тексте повседневной жизни галисийцев. Такой подход встраивается в актуальную культурологическую проблематику описания процесса формирования испанского национального характера.

Исторический контекст произведения

Чтобы оценить специфику образа галисийского быта, созданного автором в «Разговоре...», кратко охарактеризуем соответствующий временной период в Галисии с опорой на труды современных историков.

«Разговор...» во многом строится вокруг событий 1746 г.: смерти короля Филиппа V (Felipe V de España, 1700–1746) и восшествия на престол его сына Фердинанда VI (Fernando VI de España, 1746–1759). Принимая во внимание доступные автору источники информации о Галисии (детские воспоминания, три путешествия М. Сармьенто в Галисию — в 1725, 1745 и 1754 гг. — общей длительностью около 28 месяцев, документы из монастырских архивов, поступающие из Галисии новости), можно предположить, что М. Сармьенто описывает ситуацию, сложившуюся в первой половине XVIII в., причем для глоссария эта граница может быть продлена еще на два десятилетия. Места же действия два — Понтеведра и ее окрестности, а также Мадрид.

Сельсо Гарсиа де ла Рьегга. Панорамный вид на Понтеведру. 1891

С середины XVII до середины XVIII в. в Галисии произошел значительный рост населения, и в большей степени он наблюдался не в городах, а в сельской местности. Не последнюю роль в этом сыграло повсеместное внедрение двух новых сельскохозяйственных культур: кукурузы на побережье с 1630–1640-х гг. и картофеля с начала XVIII в. Уравновешивающей тенденцией стала миграция. Она часто носила постоянный характер при переезде галисийцев

в Латинскую Америку, Португалию и Мадрид. Популярными направлениями временной, но регулярной миграции были Кастилия и Андалусия в весенние и летние месяцы.

Отношения между тремя главными социальными группами (клиром, дворянами и крестьянами) регулировались договорами аренды земли «*foros*», в рамках которых крупнейшим землевладельцем были церковные структуры, дворяне были их главными арендаторами, а крестьяне получали наделы в поднаем — на долгий срок, но без возможности когда-либо выкупить эту землю. Такие договоры обеспечивали стабильность общества и предоставляли крестьянам относительную свободу в пользовании землей, но в то же время препятствовали модернизации сельского хозяйства.

Ведущими отраслями промышленности были засолка сардин и производство льняных тканей. Кроме того, в XVIII в. стали активно развиваться другие направления: обработка железа, дубление кожи, судостроение, изготовление керамики, скатертей, шляп. Однако в рассматриваемый период они находились в зачаточном состоянии, и даже производство тканей оставалось кустарным и сельским, а рыбный промысел быстро оказался в руках каталонцев, которые не стремились изменить социальные отношения в этой сфере.

Образование в значительной степени было в руках церкви, многие деятели Просвещения (как и сам М. Сармьенто) были ее представителями. В контексте Контрреформации важными целями стали повышение качества образования клира, его отдаление от народной культуры и борьба с предрассудками. Физический и математический факультеты в университете Сантьяго-де-Компостелы открылись только во второй половине XVIII в. Искусство также было религиозным, особенно его расцвет виден в архитектуре, в литературе же развития не наблюдалось [Villares, 2015: 197–235].

Описанный в «Разговоре...» момент пришелся на относительное затишье между двумя крупными вооруженными конфликтами: Войной за испанское наследство (1701–1714 гг.) и Наполеоновскими войнами. Непосредственно с территорией Галисии связаны три эпизода: разгром франко-испанского флота в заливе Виго (1702 г.), всеобщий воинский призыв и необходимость укреплять границу с Португалией после заключения Лиссабоном союза с Лондоном в 1703 г., атака Английской армады 1719 г. за покровительство испанцев герцогу Ормонду (James Butler, 2nd Duke of Ormonde, 1665–1745), пытавшемуся добиться передачи трона Великобритании Джеймсу Стюарту (James Francis Edward Stuart, 1688–1766), в ходе которой была оккупирована в том числе Понтеведра. Однако призванных в армию галисийцев часто перебрасывали в другие регионы Испании и Европы [Beramendi, 2016].

Непосредственно о Понтеведре важно сказать следующее. Историк Р. Вильярес относит время основания города к Средневековью (когда появилось большинство галисийских городов), а его расцвет пришелся на XVI в. [Villares, 2015: 186]. Благодаря стратегическому географическому положению (город

находится в месте впадения в Атлантический океан реки Лерес, а одноименный район /comarca de Pontevedra/ граничит с районом Рибейро /comarca del Ribeiro/ — ключевым винодельческим регионом Галисии), Понтеведра играла важную роль в торговле: экспортировала продукты рыбного промысла и вино, импортировала ткани из Средиземноморского региона и соль из Британии и Португалии. В конце XVI в. Понтеведра была крупнейшим городом Галисии, в котором активно развивались ремесла (кузнечное, швейное, бондарное, сапожное, столярное), важным культурным центром [Pereira Fernández, 1997: 239].

Однако в административном плане город всегда зависел от Сантьяго-де-Компостелы и не смог стать промышленным центром. Кроме того, в конце века возникли проблемы с двумя главными статьями дохода: некоторое время улов сардин был плохим, а политическое сближение Британии (главного покупателя вин) с конкурентом — Португалией — привело к падению спроса на вино Рибейро. Так что на XVII в. пришелся закат Понтеведры: инициатива перешла к промышленному и более современному Ферролю, а прежние торговцы переключились на аренду земли [Villares, 2015: 186–195].

Элисео Мейфрен Пуз.
Вечерний звон (Понтеведра). 1905

Повседневная жизнь галисийцев в «Разговоре...»

В глоссарии М. Сармьенто неоднократно подчеркивает, что весь разговор и его персонажи-крестьяне выдуманные, однако ключевые факты и исторические фигуры реальны и описаны со всей возможной точностью.

Так, место и время для разговора выбраны неслучайно. М. Сармьенто сам видел, как крестьянки, возвращающиеся вечером из Понтеведры домой, делают привал на равнине неподалеку от города (Chán de Parafita, Copla 1), полдничают и общаются. По субботам же из-за проводимой в Понтеведре ярмарки наплыв людей особенно велик, поэтому разговор состоялся в третью субботу сентября 1746 г.: четверо героев-детей, прибывшие из Мадрида с новостями, встретили многочисленную публику¹².

¹² «Finjo <...> que el tercer sábado de mercado de setiembre de 1746, aunque por diferentes caminos, se juntaron todos en tropa en el dicho chan...». Sarmiento M. Colección... P. 82.

Очевидно желание автора воспеть родную Понтеведру, «aquel país <...> tan ameno, delicioso y saludable» (Glosario, p. 169). М.А. Мурадо в своей книге называет такой пейзаж «невинным» («a paisaxe inocente») и считает его одним из главных стереотипов о Галисии [Murado, 2013].

Сославшись на Плиния, который приписывает основание Понтеведры древним грекам, М. Сармьенто выражает уверенность в том, что и во времена свевов и вестготов город был торговым и католическим центром, колыбелью благородного дворянства: «Finalmente por lo poco que observé en Pontevedra estoy persuadido a que aquel terreno no pudo menos de ser habitado y famoso en tiempo de los romanos, y que en tiempo de los *suevos* y de los *godos*, por mediar entre *Braga* y *Lugo*, ha sido el centro del comercio marino, el teatro del catolicismo y del instituto monástico, y... el solar de la más distinguida nobleza» (Glosario, p. 182–183). Как мы уже упоминали, современные историки не находят подтверждения этому заявлению. Симптоматично хотя бы то, что в знаменитой хронике XII в. «Historia Compostelana» город не упоминается ни разу [Villares, 2015: 187].

Можно счесть, что автор увековечивает Понтеведру времен ее расцвета: неслучайно в глоссарии упоминаются ее знаменитые сыны — мореплаватели Бартоломе Гарсиа де Нодаль (Bartolomé García de Nodal, 1574–1622) и Гонсало Гарсиа де Нодаль (Gonzalo García de Nodal, 1569–1622), открывшие острова Диего-Рамирес, расположенные в 100 км к юго-западу от мыса Горн (Glosario, p. 234). И саму Галисию М. Сармьенто называет исключительно королевством — «Reino» (например, Copla 321).

Знатные галисийцы, служащие при мадридском дворе, в устах героев «Разговора...» практически идеализированы. Но если юный граф Альтамира просто вызывает умиление тем, как безупречно он исполняет свои обязанности (Coplas 559–564, 606–607)¹³, то ситуация с графом де Маседа чуть

Сельсо Гарсиа де ла Рьег. Понтеведра.
Пуэрта-дэ-ла-Перегрина близ Трабанкас в 1850 г.
Ок. 1896

¹³ Например, Маруша называет графа Альтамиру «галисийской жемчужинкой» («perliña do Reino»), обладателем «ангельского личика» («cariña de Anjo»), «ребенком-серафимом» («sarafin dos nenos»), «юным Иоанном Крестителем» («hum San-Joaniño») (Coplas 560, 562).

сложнее. С одной стороны, Фердинанд VI неспроста хочет дать ему высокий пост в правительстве: его уважают и любят все, не только галисийцы. С другой — для всех очевидно, что на новой должности ему придется нелегко, так как злопыхатели будут досаждают ему из-за его галисийского происхождения (Coplas 943–944, 958–961)¹⁴. В этом конфликте находит отражение тенденция, заложенная еще в конце XV в.: для упрочения своей власти в Галисии кастильские монархи призывали местную знать на службу при дворе, а на ее места назначали кастильцев, что неизбежно порождало конфликты. Известны случаи, когда такие живущие на чужбине дворяне объединялись и помогали друг другу, а в 1740 г. в Мадриде даже была основана «община благородных галисийцев»¹⁵: «Ou que se fixese, / con hums privilexos / a conguergazon / dos Nobres Galégos» (Copla 784).

Реальны и некоторые эпизодические персонажи, появляющиеся в стихотворном тексте, например, врач по прозвищу A Morte, с которым М. Сармьенто был знаком в детстве (Copla 111, Glosario, p. 451), священник по имени Хасинто, который служил мессы в иезуитской школе, где автор учился (Copla 39, Glosario, p. 361). Маркос да Портела, выполняющий в разговоре роль поэта-повествователя, в действительности был крестьянином, много лет работал в доме родителей М. Сармьенто и отличался «живостью и остроумием» («viveza y genio festivo», Glosario, p. 360).

Остальные герои вымышленные, но создают довольно репрезентативный образ незнатного галисийца той эпохи. Автор дает персонажам самые распространенные среди крестьян имена и фамилии из комарки Моррасо, где разворачивается действие¹⁶. Обязанности главных героев «Разговора...» — четверых детей, 10 месяцев проработавших в Мадриде, — прописаны подробно. Так, Шепиньо, служащий поводырем у слепого («lazarillo de uniego»), который зарабатывает игрой на колесной лире, должен водить хозяина по улицам, присматривать за его собакой и танцевать вместе с этой собакой, подыгрывая слепому на примитивном ударном инструменте. Задача Перучо, который прислуживает сапожнику, занимающемуся покупкой и починкой старой обуви, — бегать по улицам и громко сообщать о приближении хозяина. Необходимым условием для этой работы является наличие у мальчика дисканта: «Todo se reduce a que un pobre zapatero de viejo y remendón busca un pobre muchacho que tenga alto tiple». Маруша, работающая у кондитера, отгоняет от пирожных полчища мух, а Мингинья помогает по хозяйству старому и больному отставному солдату (Glosario, p. 427, 433, 436; Coplas 71–72).

¹⁴ «Que todos ò queren / grandes è pequenos, / è mais ò desejan; / non sò os Galegos» (Copla 944); «...sò por sere ò Conde / señoire Galego: / Todos devanditos, / por mil arrodeos / farán que lle seja / nojoso ò Governo» (Coplas 961–962).

¹⁵ Sarmiento M. Coloquio... 1995. P. 244.

¹⁶ «Propone aquí el poeta los nombres y apellidos de los 24 interlocutores gallegos. Habla con propiedad, porque usa de los nombres más comunes entre los rústicos; y de los apellidos, tomados de los lugares de Morrazo, cuyo arciprestazgo tiene 35 feligresías» (Glosario, p. 376).

Двенадцать мужчин и четыре женщины возвращаются с полевых работ в Кастилии или в окрестностях Мадрида, еще четыре женщины местные, идут домой с рынка, где они продали одни продукты и купили другие (Coplas 56-61, 78-81). Также в эпизоде упоминаются занятия других галисийцев, работающих в Мадриде: один продает бумажные веера («andaba vendendo / nas ruas Avànos / grandes, e pequenos»), другой — угольщик (carboeiro), третий работает лакеем и носильщиком паланкина («Lasaño do Pazo, / Palanquín de pesos»), четвертый — мойщиком посуды в богатом доме («hum dos frega-pratos»), пятый отвечает за фитили и свечи в другом доме («hum home, já vello; // Que tiña no Pazo, / por vida, ò emprego, / d'atizar matúlas, / mudar candieiros») (Coplas 182-191). Еще одна традиционная для галисийцев профессия — водовоз (aguador) — упоминается в глоссарии (Glosario, p. 273). Вся эта работа отнюдь не престижна и связана с тяжелым физическим трудом.

Жители Галисии успешно занимаются рыболовством и добычей морепродуктов (лексика этого семантического поля в тексте представлена очень хорошо, в глоссарии она сопровождается одним из самых длинных комментариев: Glosario, p. 217-245), скотоводством, выращиванием злаков (кукурузы, ржи, могора), овощей, льна, винограда. При чтении поэтического текста порой создается впечатление изобилия и процветания. Так, учитывая, что океаническая рыба дороже и изысканнее средиземноморской, рацион галисийцев, имеющих к ней непосредственный доступ по низким ценам, изысканнее, чем у римлян («un pobre gallego a poca costa come más delicadamente que los romanos», Glosario, p. 404). Длинные списки товаров, продающихся на рынке по минимальным ценам, — продуктов сельского хозяйства, утвари, инструментов и проч. (Coplas 27-35, 78-84) — дополняют идиллический образ традиционного общества, и только изредка он корректируется в глоссарии. Так, пшеничный хлеб среди крестьян считается деликатесом («Entre los aldeanos es regalo el pan de trigo o *pantrigo*», Glosario, p. 369). Неслучайно, что и в академический словарь испанского языка попала коллокация *mesa gallega* / *mesa de los gallegos* со значением «стол, на котором нет пшеничного хлеба»¹⁷, это значение изъяли только из 23-го издания 2014 г.

Серафин Авенданьо.
Галисийская деревня. 1908

¹⁷ Mesa. Diccionario de la lengua española (2001). Real Academia Española. URL: https://www.rae.es/drae2001/mesa#mesa_gallega (accessed: 15.08.2025).

А репой («nabos») традиционно кормят быков и свиней, но также ее используют в пищу бедные люди, особенно когда мало хлеба («se guardaban allí para alimentar los *bueyes* y *cerdos*. También los pobres usan de ese alimento y en especial cuando hay poco pan». *Glosario*, p. 356).

Также описаны конкретные занятия, обеспечивающие сельское хозяйство: выжигание растительности под пашню, строительство плотин, сбор водорослей для их использования в качестве удобрений (*Glosario*, p. 252, 447, 370, 338). Из ремесел упоминаются кузнечное и бондарное (*Glosario*, p. 261, 341). Очень большое внимание уделено прядению, причем

Серафин Авенданьо. Сбор морских водорослей. 1903

наиболее ценными М. Сармьенто считает самые примитивные приспособления: веретено и ручную прялку (*el huso* y *la rueca*). Автор отмечает, что в Испании в этом ремесле особенно преуспели именно сильные галисийские женщины (*Glosario*, p. 287, 318). Есть упоминание некоторых деталей быта. Например, по субботам родители отсылают своим детям, учащимся в иезуитской школе, корзинку с едой из деревни (*carabela*); для хранения продуктов используются корзины, накрытые шкурами («*cestas cubiertas y cerradas con pieles*»); а для освещения — веточки вереска («*las ramas de los brezos o urces*»), так как они твердые и долго горят, а воск слишком дорог (*Glosario*, p. 233, 296, 272).

Из популярных видов досуга упоминаются *foliadas* (ночные танцы, *Sopla* 764) и *tuiñadas* (импровизированные гуляния на мельнице в ожидании помола, *Sopla* 762), примитивные детские забавы и игры, например, из полового стебля бузины и веточки дети делают аналог духового ружья («*sucho*»; *Glosario*, p. 247). Необходимыми атрибутами праздника являются волынка и бубен (*gaita* e *pandeiro*).

Любопытны также приводимые в глоссарии разговорные и обидные наименования людей, зачастую отсылающие к их повседневным занятиям. Так, словосочетанием «*dentes de angazo*» («зубы-грабли») называют человека с длинными редкими зубами; «*calafate*» («конопатчик судов») — это задира или полицейский, готовый кого-нибудь арестовать (для конопачения требовались сильные мужчины, которые зачастую были дерзкими); «*palanquín*» (паланкин) — очень обидное наименование для носильщика паланкина, а также синоним слов «дурак, лентяй»¹⁸ (*Glosario*, p. 267, 300, 374).

¹⁸ Dicionario de dicionarios. Instituto da lingua galega (ILG). URL: <https://ilg.usc.gal/ddd/> (accessed: 15.08.2025).

Любопытно, что в тексте практически не затронуты отношения крестьян с дворянами. Их зависимое положение упоминается лишь однажды — в контексте восхваления графа де Маседа Шепиньо с восторгом и благодарностью вспоминает, что его семья работает на его земле и граф милостив, даже если они не успевают вовремя вносить ренту: «Por foro, è por renda / è mais polos dezmos, / laudamos ao Conde, / como seus caseiros: // Què nos fay merzede, / Inda non paguèmos, / hum ano, outro ano, / à renda, ao seu tempo» (Coplas 953-954).

В основе духовных ценностей галисийцев лежит католицизм. Набожность королевских особ воспринимается как большая добродетель (Coplas 393-423), траурный кортеж сравнивается с шествием в Великую пятницу в Понтеведре (Coplas 276-279), а праздничные гуляния — с Праздником Тела и Крови Христовых (Coplas 993-1007). В тексте перечисляется множество галисийских монастырей, мест паломничеств, святых. Прослеживается связь между столь важными для культуры и экономики региона ярмарками («ferias») и католическими праздниками. Так, существовавшая век назад в Понтеведре знаменитая ярмарка, приуроченная ко дню Святого Варфоломея, на которую стекалась вся Галисия, объединяла религиозный праздник с военными учениями и открытием сезона ловли сардин (Glosario 256-258).

При этом вера галисийцев глубоко вписана в народную культуру. Любопытно сказано в «Разговоре...» о Святом Иакове: для мавров он — разящие молнии («Que è rayo, è centella / contra os Mouros pretos, / que os fende, que os ràxa / que os racha por medio»), для испанцев — солнце, луна, свет и молнии («E que è sol, è lua, / è luz, è lostrégo / para os Españoles...»), для галисийцев — покровитель, ладный святой с позолоченной бородой, а Галисия — его дом («O noso Patròn, / santiño ben feito, / da barba dourada, / que està no seu eido») (Coplas 791-793). Важно для автора и то, что в Галисии представлены только крупные монашеские ордена (например, бенедиктинцы, бернардинцы, иезуиты) и нет неразберихи, которая наблюдается в Мадриде из-за возникновения новых орденов: «Alá en Madril / ay tantos conventos / de frades distintos, / qu'acà n'ay no Reino: // Que sò òs seus numes, / è mais seus preceutos, / por tan revesados / non caben nos versos» (Coplas 321-322). Также М. Сармьенто считает нужным отстоять права на земли, королевские пожертвования и десятину, которыми монастыри обладают с незапамятных времен и которых никогда не было и не будет у светской власти¹⁹.

¹⁹ «Poco importa que lo que da el seglar valga mucho más de presente que lo que trueca el monasterio. Pero el derecho que el seglar tiene a lo que da, jamás puede *equivaler* al derecho que el monasterio tiene de *inmemorial* a lo suyo. *Donaciones reales, diezmos*, o posesión de muchos siglos, componen el derecho de las catedrales y monasterios; no así el derecho de los seglares. Eso se palpa en que los más de los *señorazos* de Galicia, reconocen ser de la iglesia, a foro, mucho de lo que tienen de presente» (Glosario, p. 399).

В связи с католицизмом оказывается затронут и вопрос чистоты крови, который впоследствии станет одним из краеугольных камней галисийского национализма. Но отсутствие арабской крови²⁰ в Галисии для М. Сармьенто очевидно, ведь в глоссарии он регулярно развенчивает арабское происхождение романских лексем. Кельтизм, который формирует один из главных галисийских стереотипов, заявит о себе только в XIX в. [Cavada Nieto, Núñez

García, 2008]. М. Сармьенто не сомневается в кельтском происхождении некоторых галисийских слов, но считает, что вывести этимологию таких древних лексем невозможно (Glosario, p. 249–250), поэтому в «Разговоре...» вопрос чистоты крови сводится к противопоставлению «старых христиан» («christianos vellos», Copla 1146) евреям, которых обвиняют в том числе и в колдовстве («fazendo os feitizos / que fan os Judeos», Copla 1134).

Христианская составляющая неотделима в сознании галисийцев от суеверий и примет, с которыми церковь боролась без особого успеха. К сожалению, лексика из этого семантического поля появляется в четверостишиях, к которым нет глоссария. Автор может никак не оценивать эту сторону галисийского миропонимания (например, он просто предполагает, что странные знаки, обнаруженные им на колоколе церкви Сан-Сальвадор-де-Койро, являются заклинанием от демонов /Glosario, p. 379/), либо оценка может быть выражена мягко, как в случае с приметой, согласно которой, если неаккуратно срезать со скалы морские уточки и их сок попадет в воду, на море сразу начнется волнение. Как католик М. Сармьенто в это не верит («Cuantos más y

Серафин Авенданьо.
Пейзаж с галисийской девушкой. 1891

²⁰ Отметим, что мнение о благородном происхождении галисийцев стало регулярно высказываться в XVII в. Так, политику и дипломату 7-му графу Лемосу (Pedro Fernández de Castro y Andrade, 1576–1622), который, в частности, боролся за представительство Галисии в кортесах, приписывают авторство текста политической сатиры «El búho gallego, con las demás aves de España haciendo Cortes». В ней Галисию представляет сыч, Страну Басков — дрозд, Арагон — кукушка, Мурсию — ласточка, Андалусию — индюк, Кастилию — гусь и т.д. Сыч пытается объяснить остальным птицам, насколько они были неправы, игнорируя сычей, и подчеркивает, что из всего собрания у галисийцев больше всего прав называться истинными испанцами, потому что Галисия меньше, чем другие области, испытала на себе «наплыв африканских птиц» («diluvio de africanas aves») [Temprano, 1988: 140].

²¹ Подробнее о представителях галисийского «народного пантеона» см. статью «Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в “Разговоре 24 галисийских крестьян” Мартина Сармьенто» [Снеткова, 2025: 278–280].

cuanto más me aseguraban esto, tanto menos lo creí»²²), но как ученый пытается дать этому объяснение («y suponía que no mentían pero sospeché que habría dado fundamento a aquella creencia, alguna concurrencia repetida de abrir los pezebres, con haberse alterado el mar por acaso. Pero no sería malo que algún crítico curioso tentase repetir muchas experiencias sobre lo dicho para ilustrar la histortia natural»²³, *Glosario*, p. 226). Иногда же автор выражает откровенное негодование, как в случае с начерченными на земле распятиями: «son obra y enredo pueril o de niños o de pastores o de algunos que necesitan mantener y continuar una ridícula credulidad para mantenerse a sí»²⁴ (*Glosario*, p. 244).

В целом, временной период, описанный в «Разговоре...», благополучен: оспа, которая ранее приводила к гибели тысяч женщин и детей, закончилась, улов рыбы и морепродуктов богат, отчего цены на них на рынке крайне низки, обильен урожай злаков, овощей, льна и вина (*Coplas* 110, 112–128). Однако мысли о войне не оставляют ни автора, ни его героев. Так, М. Сармьенто рассуждает о необходимости в целях безопасности углубить порт Марин и установить батарею на острове Тамбо (*Glosario*, p. 172), а героини-девочки считают праздники неуместными, когда все деньги уходят на войну («se as guerras prosiguen; / con festas comemos?», *Copla* 1033), и вспоминают декрет, согласно которому галисийцев, отправлявшихся на полевые работы в Кастилию, призывали в армию («avia Degrèdo, / que prender mandaba / todos os Galegos // Dempois que acabassen / de segàre», *Coplas* 1048–1055).

Альфредо Соуто Куэрро. Площадь Педрейра.
Понтеведра. 1898

* * *

Возникший из необходимости освоить неродной (испанский) язык интерес к этимологии и семантике стал ключевым элементом изучения Мартином Сармьенто культуры Галисии, которую он заново открыл для себя в ходе трех путешествий, совершенных на разных жизненных этапах. «Разговор

²² «Чем чаще и чем большее количество людей убеждали меня в этом, тем меньше я в это верил» — *Здесь и далее перевод автора.*

²³ «Я предполагал, что они не лгут, но подозревал, что основанием для этого убеждения могло стать случайное совпадение ряда эпизодов вскрытия морских уток с волнением на море. Но было бы неплохо, если бы какой-нибудь любопытный критик попытался повторить указанные опыты, чтобы разъяснить естественную историю».

²⁴ «Всё это выходки детей, пастухов или тех, кто нуждается в нелепых верованиях, чтобы оставаться самими собой».

24 галисийских крестьян» вместе с глоссарием не только показывают увлеченность автора лингвистической проблематикой, но и иллюстрируют повседневную жизнь галисийцев первой половины XVIII в. в Галисии и за ее пределами.

Образ сельской Галисии в «Разговоре...» получился полным, относительно достоверным и многогранным. Понтеведра очевидно идеализирована, ее образ в большей мере основан на воспоминаниях о былом величии, чем на свидетельствах заданного временного промежутка. Идеализированы и галисийские дворяне, служащие при мадридском дворе. Любопытно, что дворяне, проживающие в Галисии, в «Разговоре...» не представлены вовсе: показано общество, состоящее только из крестьян, рыбаков, ремесленников, торговцев и клира, что, конечно, правдой не является.

Подробно описана повседневная жизнь незнатного галисийца эпохи. В Мадриде персонажи-галисийцы работают слугами, в Кастилии заняты на уборке урожая, в Галисии их основными занятиями являются добыча рыбы и морепродуктов, скотоводство, выращивание злаков, овощей, льна и винограда. В меньшей степени они посвящают себя ремеслам. Также автор уделяет внимание их досугу.

В основе духовных ценностей лежит католицизм, хотя в сознании галисийцев он неотделим от народных суеверий и примет.

По всей видимости, показанная в «Разговоре...» простая традиционная жизнь представляет для автора большую ценность. Социальной критики в тексте практически нет, идеи модернизации и образования отсутствуют, а система социальных отношений признается эффективной. Немного омрачают эту идиллическую картину только редкие упоминания бедности и войны. Поэтому, возможно, уже в этом тексте следует искать истоки «невинного пейзажа» — невероятно жизнеспособного стереотипа о Галисии.

Список литературы / References

Снеткова М.С. (2025) Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» Мартина Сармьенто, *Litera*, № 2, с. 272–291. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.71529

Snetkova M.S. (2025) Leksiko-stilisticheskie sredstva sozdaniya obrazov Galisii i galisitsev v «Razgovore 24 galisiiskikh krest'yan» Martina Sarm'ento [Lexico-Stylistic Means of Creating Images of Galicia and Galicians in «Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians» by Martin Sarmiento], *Litera*, no. 2, pp. 272–291. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.71529. (In Russian)

Beramendi J. (2016) *Historia mínima de Galicia* [Minimum History of Galicia], Madrid, Turner, 278 p. (In Spanish)

Cavada Nieto M., Núñez García O. (2008) El celtismo galaico en la Historiografía gallega de los ss. XIX y XX [The Galician Celtism in the Galician historiography of the 19th and 20th centuries], *Minus*, no. XVI, pp. 21–61. (In Spanish)

Fernández Rei F. (2002) Sarmiento e a lingua galega [Sarmiento and the Galician language], *Boletín da Real Academia Galega*, no. 363, pp. 211–216. (In Galician)

Mariño Paz R. (1995) Estudio introductorio [Introductory Study] in Sarmiento M. *Coloquio de vinte catro galegos rústicos* [Colloquium of Twenty-Four Rustic Galicians], Pontevedra, Consello da Cultura galega, pp. 7–102. (In Galician)

Monteagudo H. (2002) Tradición manuscrita e divulgación impresa do Coloquio en coplas galegas. Consideracións á luz do autógrafo orixinal [Manuscript Tradition and Printed Publication of the Colloquium in Galician Couplets. Considerations in the Light of the Original Autograph], *Boletín da Real Academia Galega*, no. 363, pp. 95–122. (In Galician)

Murado M.-A. (2013) *Outra idea de Galicia* [Another idea of Galicia], Madrid, Debate, 208 p. (In Galician)

Pensado J. L. (1970) Estudio Preliminar [Preliminary Study] in Sarmiento M. *Colección de voces y frases gallegas* [Collection of Galician voices and phrases], Salamanca, Universidad de Salamanca, pp. 7–70. (In Spanish)

Pereira Fernández X.M. (1997) Pontevedra en el Siglo XVI. Contribución a la historia urbana de Galicia [Pontevedra in the 16th century. Contribution to the urban history of Galicia], *Obradoiro de Historia Moderna*, no. 6, pp. 239–262. <https://doi.org/10.15304/ohm.6.957> (In Spanish)

Temprano E. (1988) *La selva de los tópicos* [The Jungle of Topics], Madrid, Mondadori Omnibus, 242 p. (In Spanish)

Vilavedra D. (1999) *Historia da literatura galega* [History of Galician literature]. Vigo, Galaxia, 370 p. (In Galician)

Villares R. (2015) *Historia de Galicia. Con un ensayo dedicado a la ciudad de Buenos Aires* [History of Galicia. With an Essay Dedicated to the City of Buenos Aires], Buenos Aires, Mar Maior, 520 p. (In Spanish)

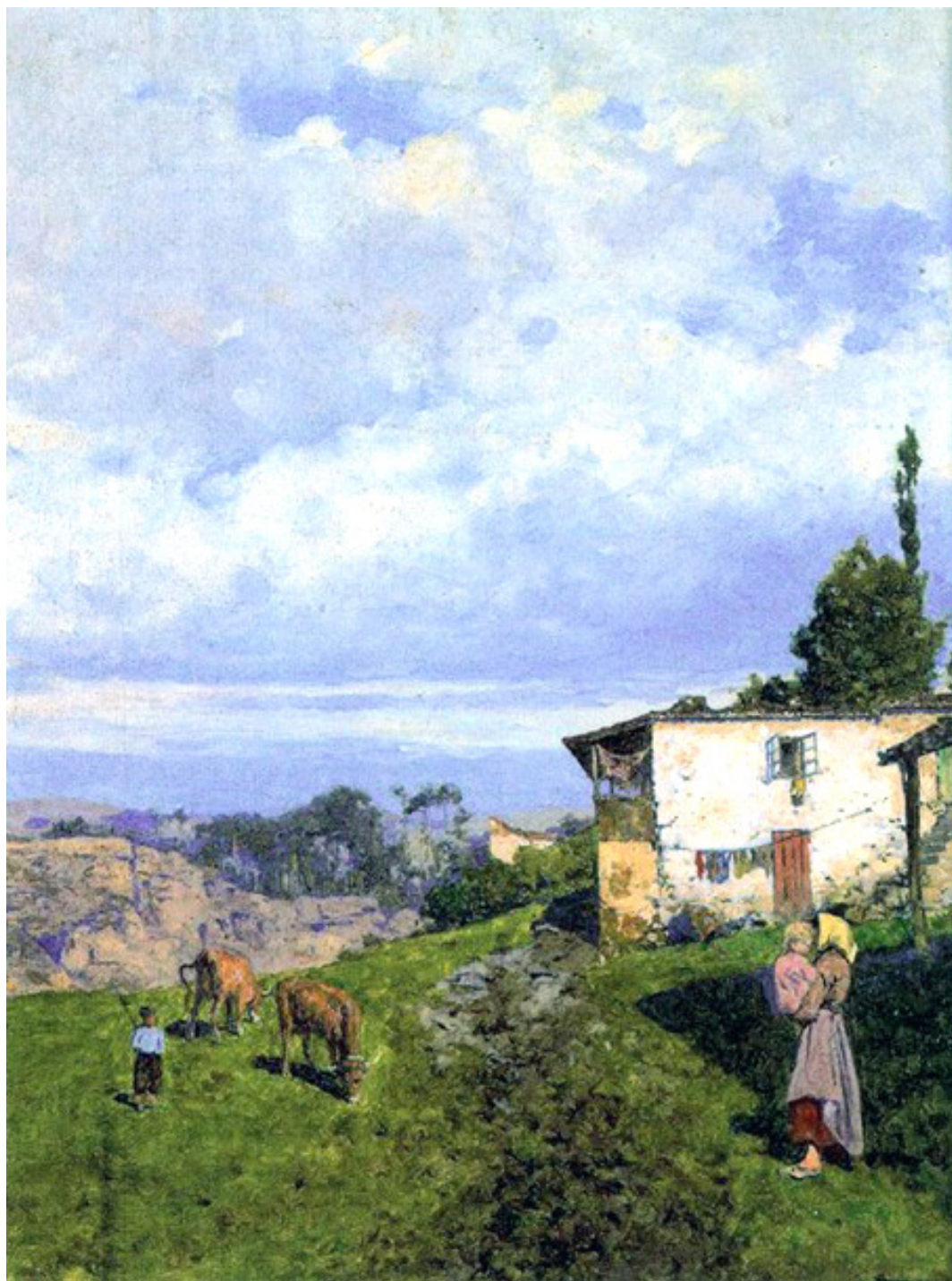
**Иллюстрации к исследовательской статье М.С. Снетковой
«Повседневная жизнь галисийцев XVIII в.
в “Разговоре 24 галисийских крестьян” Мартина Сармьенто»**

Дионисио Фьеррос. Источник. Обычаи жителей окрестностей Сантьяго, Галисия. Ок. 1864

Дионисио Фьеррос. Люди выходят после мессы в деревне недалеко от Сантьяго. 1862

Серафин Авенданьо. Кальдас-де-Рейес. 1907

Франсиско Йоренс Диас. Река Ароса. 1934

Франсиско Йоренс Диас. Галисийские берега. 1915

Сельсо Гарсиа де ла Рьегга. Церковь Сан-Бартоломе «О вельо». Ок. 1904

Хенаро Перес Вильямилъ. Портик славы собора Сантьяго-де-Компостела. 1849